

2. *Бранский, В. П.* К вопросу о взаимопроникновении-взаимоотталкивании художественного и нехудожественного в искусстве / В. П. Бранский, И. Г. Михайлова // *Филос. исследования.* — 2007. — № 3—4. — С. 98—112.
- Branskij, V. P.* K voprosu o vzaimoproniknovenii-vzaimoottalkivanii hudozhestvennogo i nehudozhestvennogo v iskusstve / V. P. Branskij, I. G. Mikajlova // *Filos. issledovanija.* — 2007. — № 3—4. — S. 98—112.
3. *Михайлова, И. Г.* Художественное моделирование как фактор фантастического видения реальности / И. Г. Михайлова. — СПб. : Б & К, 2005.
- Mihajlova, I. G.* Hudozhestvennoe modelirovanie kak faktor fantastičeskogo videnija real'nosti / I. G. Mihajlova. — SPb. : B & K, 2005.
4. *Михайлова, И. Г.* Субъект самовыражения в динамике сдвига культурных смыслов / И. Г. Михайлова // *Мир психологии.* — 2008. — № 2. — С. 116—127.
- Mikajlova, I. G.* Sub'jekt samovyrazhenija v dinamike sdviga kul'turnyh smyslov / I. G. Mikajlova // *Mir psihologii.* — 2008. — № 2. — S. 116—127.
5. *Михайлова, И. Г.* Самоорганизация в художественной деятельности / И. Г. Михайлова // *Мир психологии.* — 2010. — № 4. — С. 91—102.
- Mikajlova, I. G.* Samoorganizacija v hudozhestvennoj dejatel'nosti / I. G. Mikajlova // *Mir psihologii.* — 2010. — № 4. — S. 91—102.
6. Синергетическая философия истории : коллективная монография / под ред. В. П. Бранского, С. Д. Пожарского. — Рязань : Копи-Принт, 2009.
- Sinergetičeskaja filosofija istorii : kolektivnaja monografija / pod red. V. P. Branskogo, S. D. Pozharskogo.* — Rjazan' : Kopi-Print, 2009.
7. *The New Testament of Our Lord and Saviour Jesus Christ with Psalms : New King James Version.* — London : Thomas Nelson, Inc., 1982'.

II. Смысл

Смысл как явление

Д. А. Леонтьев

Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт²

В статье на основании исследований последнего времени дан развернутый теоретический анализ проблемы смысла и смыслообразования. Особое внимание уделено таким проблемам, как соотношение семиотического и экзистенциального в смыслообразовании, структурное определение смысла в терминах связности и связанности, роль культурных контекстов в смыслообразовании, а также динамика смыслов и трансформации жизненного опыта и психологические подходы к фактизации смыслообразования и коррекции ригидных смысловых ориентаций.

Ключевые слова: смысл, смыслообразование, текст, контекст, сознание, семиотика, жизнь, опыт, культура, потребительская культура, эмоции.

В последнее время появились основания говорить если не о втором рождении понятия смысла в мировой психологии, то о его втором дыхании. Интерес к этой проблеме резко вырос, преимущественно благодаря возникновению таких течений, как позитивная психология и диалогическая психология, а также повышенному вниманию к экзистенциальной психологии. Во всех этих подходах понятие смысла играет ведущую роль. Только за 2012—2014 гг. вышли или готовятся к выходу по меньшей мере пять представительных англоязычных антологий и сборников, посвященных этой проблеме. Особенно выросло за последние годы число эмпирических исследований смысла, опирающихся на целый ряд диагностических методик, в числе

¹ Цитируется в переводе автора статьи ввиду обнаруженных в ходе детального сравнительного анализа текстов оригинала смысловых расхождений с русскоязычной версией.

² Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

которых Purpose-in-Life test (PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика [33], качественная методика П. Иберсола с соавторами [34] (см. об этом также: [18]), Personal Meaning Profile Г. Рекера и П. Вонга [38], Meaning in Life (MIL) М. Штегера [40], Sources of Meaning (SoMe) Т. Шнель [39] и др. Понятие смысла при этом сохраняет свою сложность и неклассический статус, тем самым ставя исследователей перед рядом вызовов, а некоторые из последних были проанализированы в отдельной публикации [37]. Оживление интереса к проблеме смысла наметилось за последний год и в нашей стране.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы очертить некоторые аспекты и контексты проблемы смысла, делающие его столь актуальным в сегодняшней психологии. Мы при этом опираемся на проделанную ранее работу [12; 15], не собираясь ее повторять или пересматривать. Есть такой старый стереотип, что нельзя сказать ничего нового, все уже сказано. Но как раз подход через призму понятия смысла позволяет утверждать, что, наоборот, нельзя сказать ничего старого, поскольку смысл определяется контекстом, а контекст не стоит на месте, контекст каждый раз новый. И если сегодня повторить абсолютно то же самое, что говорилось вчера, даже в той же самой аудитории, смысл будет другой, потому что контекст изменился. Нельзя сказать ничего старого, все будет каждый раз новым.

Фокусом данной статьи выступает проблема смыслообразования и его контекстов: контекста жизни в противовес контексту сознания и знаковых систем, системно-структурный контекст, контекст культуры в противовес биологическим универсалиям и контекст динамики личного опыта в противовес фиксированным, омертвленным жизненным ориентациям. Рассмотрим все эти контексты поочередно.

Смыслообразование в контексте жизни

В настоящее время в психологии и науках о человеке вообще нет единого рабочего определения смысла и не похоже, что в обозримом будущем оно появится. При этом в большинстве дисциплин смысл рассматривается преимущественно в контексте сознания, семантики, лингвистики, включая психолингвистику, логики, культурологии, семиотики. Более того, во многих случаях значение и смысл рассматриваются как синонимы, что во многом связано с их неразличением в английском языке — главном языке межнационального общения наших дней. В контексте бытия, жизненного мира его рассматривает лишь психология (и то не вся) и социология (далеко не вся).

То, что более или менее соответствует современному пониманию смысла, возникло в более или менее отчетливом виде в Средние века в контексте герменевтики (см.: [12]). Герменевтика, как известно, изначально была учением о толковании Священного Писания. И речь шла о смысле, естественно, текста — сначала текста Священного Писания, а потом и других текстов. Сама задача герменевтики уже подразумевала раздвоение: есть то, что непосредственно сказано, сформулировано в тексте, и есть что-то, что не сводится к тому, что прямо сказано, требует некоторого истолкования, интерпретации. Д. Хармс писал: «Слова сложились, как дрова, в них смыслы ходят, как огонь».

Соотношение текста и его смысла связано с тем, что в развитии человеческой речи и коммуникации параллельно шли два разнонаправленных процесса. С одной стороны, язык развивался как средство обеспечить максимально точное и недвусмысленное понимание. Все языки движутся в направлении дифференциации, увеличения словарного запаса просто для того, чтобы мож-

но было передавать максимально тонкие и подробные оттенки того, что люди хотят друг другу сообщить. Но оказалось, что неоднозначное соответствие слов и денотатов, с одной стороны, неустранимо, с другой стороны, оно может быть даже благом, в нем есть свои преимущества. И наряду с линией повышения однозначности возникла вторая линия — расширения неоднозначности, многослойности, смыслового богатства слова. В частности, эта линия, направленная на возрастание вариативности возможных трактовок, на умножение смысла, находит выражение в словесных искусствах и в поэтике, как в дисциплине, посвященной бытованию языка в художественном контексте для решения соответствующих этому контексту задач. Для XX в. характерна некоторая абсолютизация многозначности и даже произвольности тех смыслов, которые может нести произведение искусства.

Второй контекст возник позже — контекст экзистенциального отношения, личной, пристрастной жизни. Значимой вехой в этом можно считать «Исповедь» Льва Толстого [24] — глубокий экзистенциальный трактат о том, как автор обнаруживает себя в середине своей жизни в полном благополучии, но с суицидальными мыслями. Смысл исчез. Толстой описывает в этом произведении историю своих поисков смысла жизни. Завершается книга тем, что автор пришел к изменению постановки задачи. Он не нашел смысл, он не получил ответ, но он радикально переформулировал вопрос. Нельзя говорить о смысле жизни вообще, можно говорить только о смысле моей жизни. И этот смысл не интеллектуален, это не познавательная конструкция, которую можно описать словами. Сначала надо, писал Толстой, чтобы сама жизнь была осмысленна и не зла, а уже во вторую очередь нужен разум, чтобы ее понять. Поиск смысла жизни осуществляется в каких-то конкретных действиях, а не в сознании. А сознание просто рефлексивирует то, что с нами реально в жизни происходит. Первична же некая экзистенциальная данность, как бы мы сказали сейчас.

Отсюда берет начало линия, которая привела к развитию психологических и не только психологических подходов к смыслу жизни. Макс Вебер практически первым в гуманитарных науках заговорил о смысле действий. За ним последовали Фрейд, Адлер, Бахтин и др. Вопрос о смысле стал понемножку перемещаться из плоскости изучения сознания в плоскость изучения жизни.

Аналогичной выглядела динамика представлений о процессах человеческого общения. В статье В. Франкла «Критика чистого общения» [27] критикуется популярная позиция, утверждающая самодостаточность межличностных отношений человек — человек. Безусловно, близкие межличностные отношения играют в жизни очень большую роль. Но, как показал Франкл, в глубокой, интимной межличностной коммуникации всегда существует некоторый смысл, общее содержание, вокруг которого эти отношения строятся. Если его нет, отношения не могут состояться. В этом плане очень показателен специально организованный в 1960-е гг. публичный диалог двух ведущих в мире специалистов по диалогу — Мартина Бубера и Карла Роджерса. Они пытались найти общий язык по поводу проблемы отношений «человек-человек», и им это не удалось (см.: [31]). Роджерс пытался говорить о самих отношениях как таковых, а Бубер настойчиво и даже с некоторым раздражением пытался найти смысл, вокруг которого общение может быть построено. Неудача этого диалога подтвердила в каком-то смысле правоту Бубера: не может быть полноценного общения без объединяющего участников жизненного контекста общего смысла.

Структурный анализ смысла и смыслообразования

Одно из кардинальных различий, остающихся в центре многих современных дискуссий вокруг проблемы смысла, заключается в том, открывают ли человек объективно существующие в мире смыслы (как считает, например, В. Франкл) или создает их (позиция Дж. Келли и других; см. подробнее: [12]). Сегодня обе крайние позиции представляются неточными. Мы не выдумываем смыслы. Но мы их и не находим в готовом виде. Смыслы являются результатом соотнесения того, что мы считаем нашей жизнью, с тем, что мы обнаруживаем в мире.

Чтобы определить смысл, нужны три элемента, без которых говорить о смысле нельзя.

Первый элемент — носитель смысла, то, о смысле чего мы говорим. А. Н. Леонтьев в свое время сформулировал достаточно тривиальную, но часто забываемую мысль: смысл — это всегда смысл чего-то и для кого-то (см.: [9. С. 97]). Мы не можем говорить о смысле вообще, мы говорим о смысле как атрибуте чего-то, что является его носителем, — о смысле жизни, о смысле фразы, о смысле поступка. Этот носитель является первым компонентом смысла.

Второй компонент задается тем, что смысл определяется всегда через что-то другое. Для определения любого смысла необходима отсылка к более широкому контексту. Чтобы понять смысл фразы, мы должны выйти за пределы фразы. Чтобы понять смысл поступка, мы опять же должны соотнести его с чем-то другим. Чтобы понять смысл индивидуальной жизни конкретного человека, мы должны выйти за пределы индивидуальной жизни, понять, что останется, когда жизнь кончится. Есть разные варианты объяснения, например, продолжение жизни в ином мире или след, оставляемый после себя другим людям.

Наконец, *третьим элементом* является качественно определенная связь носителя с контекстом. Именно благодаря этой связи носитель приобретает тот или другой смысл. Например, для верующего смысл жизни задается во многом перспективой спасения души, возможностью достойно предстать перед Богом на Страшном Суде. Однако если для одних необходимым и достаточным выступает вера и соблюдение всех предписаний данной религии, то для других более важными являются те поступки, которые человек совершает в своей жизни, а сама вера и обрядность не столь принципиальны. Речь идет о самой логике процессов смыслообразования, которая далека от однозначности (см.: [22]).

Вот эти три элемента, без которых вообще нельзя говорить о смысле. Их можно представить в виде отрезка, который задается двумя концами отрезка и соединяющей их линией. Все эти три элемента неразрывны: нельзя оторвать от отрезка один конец или убрать соединяющую его концы связь — отрезок исчезнет, рассыплется. Если мы не учитываем внешний контекст и смыслообразующую связь, то мы будем изучать эмоции, коннотации, но не смысл, который всегда за пределами объекта. Необходима лишь оговорка, что редко мы имеем дело с отрезком прямой; чаще всего линия, соединяющая носитель и источник смысла, имеет сложную конфигурацию.

Часто смысл отождествляют с субъективным значением, коннотацией каких-то семантических единиц, которая не входит в их денотативное, языковое значение. Но для того чтобы понять смысл, недостаточно просто зафиксировать некоторую коннотацию, нужно обязательно выйти в более широкий контекст, чтобы понять, откуда она взялась. Вот, в частности, пример, который приводит А. В. Смирнов: значения понятий «холод» и «жара» в арабской и в российской культуре принципиально не различаются, а эмоциональ-

ные коннотации диаметрально противоположны. В России тепло, жара — это позитивное; холод в русском языке связан всегда с негативной семантикой (можно умереть, замерзнуть). В арабском языке, наоборот, жара — это смертельная опасность, от которой люди гибнут, а все хорошее связано с прохладой, холодом. «Если у нас пророку “во грудь отверстую” водвигается “уголь, пылающий огнем”, то Мухаммедово сердце, напротив, охлаждается на блюде со льдом, после чего он постигает всю мудрость» [22. С. 168]. На пророка снизошла благодать — его пронзило холодом. Для россиян, напротив, «пронзило холодом», «он весь похолодел» — ассоциируются с ужасом. Невозможно понять эти коннотации без различения климатогеографических обстоятельств жизни русского и арабского народов. Понятно, что эти коннотации связаны с климатическими опасностями и, наоборот, климатическими бонусами, поэтому, чтобы понять эти коннотации, мы должны выйти в климатогеографический контекст соответствующих этносов.

Таким образом, ключевое понятие для определения смысла — это контекст. Смысл не в объекте, не в переживании. Смысл не имманентен его носителю, он его трансцендирует. Он в том, что связывает объект или переживание с разными контекстами. *Связь с контекстом* — таково самое простое рабочее определение смысла. Качественно эта связь может быть абсолютно разной. Вопрос о механизмах порождения смысла — это вопрос о контекстах, которые появляются в жизни людей. Контексты также могут быть разными, мы можем искать их в сознании, картине мира или же в жизненной практике, бытии в мире.

Из современных подходов к смыслу в наиболее полной мере ключевой характер этих связей признается в теории Р. Баумайстера [32], который использует для характеристики смысла и смысловых связей метафору паутины. Мне представляется более точной метафора грибницы [12]. Главное не в самих отдельно взятых смыслах, а в том, что их связывает в единую сеть, в единую систему. Не существует отдельных, изолированных смыслов, есть единая смысловая система. Что-то имеет для человека смысл благодаря тому, что оно включено в эту систему. Метафора грибницы помогает понять иллюзию самостоятельности отдельных смыслов, которые для нас значимы точно так же, как иллюзией является то, что значим отдельный гриб, красивый, сочный, мясистый, надо лишь счистить бледные нити, которые к нему пристали и которые только мешают. На самом деле суть гриба как раз в этих бледных нитях, которые мы часто даже не замечаем.

Если опираться на популярные в последнее время компьютерные метафоры, то понятию «смысл» наиболее точно соответствует метафора «гиперссылка». Это то, что связывает данный конкретный контент с более широкими контекстами.

Вместе с тем информационные метафоры ограничены. М. М. Бахтин заметил, хотя не успел развернуть важное различие кода и контекста как двух способов порождения понимания. В одном случае мы имеем дело со значением, жестко кодированной информацией. Существует некий код, однозначно заданная процедура перевода информации в другую форму, мы должны приложить этот код и извлечь с его помощью значение. Для того чтобы понять смысл, нам требуется знание не кода, а контекста. «Контекст потенциально не завершим; код — должен быть завершим. Код — только техническое средство информации; он не имеет познавательного творческого значения. Код — нарочито установленный, умерщвленный контекст» [2. С. 431].

Различию между кодом и контекстом можно поставить в соответствие различие между информацией и опытом. Информация сама по себе индифферентна к жизни субъекта. Огромные потоки разной информации, которая на него сыплется, которую он частично принимает, на которой частично задерживается, а частично нет, по большому счету перпендикулярны его интересам, его жизни, его контекстам. Но как только он соотнес эту информацию с жизненным контекстом и понял, что эта информация говорит о чем-то важном, она становится опытом. Включение в контекст собственной жизни — это и есть то, благодаря чему мы в состоянии понять смысл чего бы то ни было, соотнести с нашей жизнью: что это для меня, зачем это надо. опытом становится то, что соотнесено с жизненным контекстом. Извлечение опыта, собственно говоря, и есть смыслообразование.

Не всегда это соотнесение имеет рациональный характер и его результаты могут быть выражены вербально. Более распространена ситуация, когда есть ощущение того, что действия имеют смысл, но без рефлексии; человек не может сформулировать этот смысл на словах. Есть лишь интуитивное ощущение правильного пути. В. Франкл [27] называл совесть органом смысла, отвечающим за такое интуитивное ощущение правильности, обратную связь, минуя рефлексивное сознание. По Франклу именно совесть подтверждает, что я действую правильно, двигаясь в определенном направлении. Хотя осознание этого не произошло, есть внутреннее чувство, которое, минуя сознание, говорит «да» или «нет». По сути, совесть выступает как универсальный механизм обратной связи, тестирующий наши действия на соответствие высшим смыслообразующим ценностям.

В книге А. де Сент-Экзюпери «Цитадель» [21] смысл характеризуется как божественный узел, связывающий вещи воедино, связывающий человека и мир. Я бы назвал *смысл единством связности и связанности*.

Связность — это интегрированность. Бывает жизнь интегрированная, бывает дезинтегрированная. В последнем случае человек живет одним днем. Любое животное живет одним днем, оно полностью в настоящем. Маленький ребенок тоже полностью в настоящем. То, что он делает сейчас, никак не связано с тем, что он делал вчера, и с тем, что он будет делать завтра.

Но уже к старшему дошкольному возрасту появляется некоторая связность. На это обратил внимание А. Адлер [30]. Появляется смысл в жизни, который, по Адлеру, проявляется опять же не в каких-то конструкциях сознания, а в том, что жизнь объективно приобретает единую направленность и последовательность. Это заметно уже у старшего дошкольника, и наблюдатель может понять направленность его жизни, хотя сам дошкольник ее, разумеется, не осознает. Он становится более предсказуемым, и разные моменты его жизни оказываются связанными в единую систему. Смысл и есть механизм этой связи. Жизнь, которую мы называем осмысленной, внутри себя не фрагментарна, в ней то, что я делаю сегодня, связано с тем, что я делал вчера, и то, что я буду делать завтра, связано в некую единую структуру с тем, что я делаю сегодня.

Эту связность обеспечивают интенциональность, направленность на что-то в мире, вне самого субъекта (В. Франкл [27] называл это термином «самотрансценденция»). Отдельные элементы обретают свой смысл в контексте целого, в контексте замысла, в контексте устремления.

Более полное понятие смысла — когда контекст не ограничивается только связностью, только структурой, но выходит за пределы этой данной структуры. Жизнь человека в той мере, в какой она им осмыслена, связана и с другими контекстами, с жизнью других людей, с жизнью общества, с более

глобальными контекстами, с жизнью в целом, со Вселенной. Бог — это еще один глобальный смыслообразующий контекст. Он, в свою очередь, может по-разному соотноситься с контекстом жизни в целом — он может накладываться на контекст жизни, расширять и обогащать его, а может противопоставляться контексту практической жизни, и в этом случае следствия не столь однозначны. Необходимо, правда, оговориться, что вынесение смысла за пределы жизни характерно для западного сознания, западного менталитета. Восточный взгляд на мир рассматривает это соотношение иначе (см.: [16]). Этот вопрос, однако, выходит за рамки данной статьи.

Смыслообразование в контексте культуры

Чем смыслообразование у человека отличается от смыслообразования у животных? В максимально заостренной форме этот вопрос принимает форму вопроса: применимо ли понятие смысла к поведению животных? А. Н. Леонтьев [10] писал о смысле поведения животных, другие ученые спорят с ним, считая, что это понятие неприменимо к животным. Безусловно, поведение животного также связано с актуальными контекстами, поэтому о смысле формально говорить есть основания. Но у всех видов животных, за исключением человека, смыслообразующие контексты жестко заданы биологическими императивами, и поэтому понятие смысла по отношению к поведению животных абсолютно ничего не прибавляет в объяснении. Можно его использовать или не использовать. У человека эти контексты становятся вариативными, разнообразными, и здесь понятие смысла начинает работать, оно выражает процессы принципиально новые, которых не существовало до человека. Смысл задает особую, отсутствующую у животных систему регуляции жизнедеятельности.

Безусловно, во многом специфика смысловой регуляции у человека связана с огромной ролью культурных контекстов, в которых протекает его развитие. Каждый человек развивается в условиях предсуществующего смыслообразующего контекста, заданного его культурным окружением. Культурный контекст очень важен, и принципиальным является различие между культурой в ее традиционном понимании и тем, что мы привыкли не вполне точно называть «массовая культура», однако массовость не является ключевым, сущностным ее признаком, поэтому я предпочитаю термин «потребительская культура». Я сформулировал ряд психологических различий между этими двумя явлениями [17], и одно из них касается как раз механизмов смыслообразования. То, что мы включаем в традиционное понятие культуры, что помогает нам раскрывать реальные смыслы нашей жизни, — это механизм культивирования сложности, как говорил М. К. Мамардашвили (см.: [19. С. 173]). Массовая, или потребительская, культура не открывает нам смыслы, она нам их навязывает, навязывает, просто формулирует их для нас, дает ответы без вопросов: вот это важно, это актуально, это круто — запоминайте. Вопрос «почему» не ставится, смысл, причем сильно суженный, фиксированный узкий смысл просто без объяснений спускается «сверху». Это относится и к таким составляющим потребительской культуры, как мода, торговая марка или идеология. Они диктуют нам, что мы должны считать ценным, что мы должны считать значимым, что мы должны считать правильным и что мы должны считать целью. Тем самым культура оказывается живой и естественной конструкцией при всей ее сложности, она связана с жизнью тканью живых смыслов, а потребительская культура — конструкцией искусственной, произвольной, по отношению к которой только и можно ставить вопросы о создании смыслов.

То, как влияет культура, в том числе потребительская культура, на механизм смыслообразования, иллюстрирует ставший последнее время очень популярным в экспериментально-психологических исследованиях метод прайминга. Это понятие обычно используется без перевода, его можно перевести как «предварение». Эксперименты с использованием прайминга, или предварения, всегда делятся на две части, которые для испытуемых между собой не связаны, это два разных исследования. В первой части испытуемым ненавязчиво дают решать простые задачки со словами, например, вставлять пропущенные буквы, при этом все слова дают из определенного смыслового ряда, т. е. задают определенный тематический контекст. Например, положительные эмоции, отрицательные эмоции, тема смерти, тема боли и т. п. После небольшого перерыва начинается другой эксперимент, якобы не связанный с первым. Обнаруживается, что у людей, которым задавали некоторый фоновый контекст, меняются результаты по сравнению с контрольной группой.

Например, две группы испытуемых выполняют задания за компьютерами, причем у одних фоновой заставкой на компьютере служат изображения банкнот и другие символы, имеющие отношение к деньгам, а у других эта заставка имеет нейтральный сюжет. Оказывается, что те, которым таким образом ненавязчиво напоминают о деньгах, в последующей серии эксперимента ведут себя более эгоцентрично, например, в ситуации распределения приза между собой и партнером они больше берут себе и меньше дают партнеру по сравнению с контрольной группой, которой не напоминали о деньгах. Когда экспериментатор просит их подсесть к нему за стол, взяв стул в сторонке, те, кому предварительно напоминали о деньгах, ставят свой стул на более далеком расстоянии от экспериментатора, чем контрольная группа [41]. Метод предварения, таким образом, включает действия субъекта в не осознаваемый им фоновый контекст, в котором его текущая деятельность приобретает специфический смысл, устанавливает новые неосознаваемые смысловые связи. Контекст меняется, он становится насыщенным проблемой денег или другой проблемой, и отсюда возникают новые структуры смыслообразования. Например, с помощью прайминга экспериментально подтверждена философская идея, что смерть служит тем, что напоминает нам об ответственности за нашу жизнь [35].

По сути, культурные контексты, в которых мы вырастаем, действуют как такой прайминг. Культура задает фоновый контекст, таким образом придавая смысл различным нашим действиям в жизни. При этом играет роль не только культура, связанная с этносом и культурой общества в целом, но и микрокультуры, связанные с культурой семьи, социальной группы. Это очень хорошо показал в свое время психотерапевт Н. Пезешкиан, создатель позитивной семейной психотерапии. Он родом из Персии, учился в Германии, где прошел профессиональное обучение и начал работать с межэтническими семьями. Он обнаружил, что в семьях разного этнического происхождения возникает множество конфликтов, связанных с непониманием, потому что в их привычных семейных контекстах одни и те же вещи имеют разный смысл. Пезешкиан [20] построил позитивную семейную психотерапию, которая была основана на том, чтобы в этих расхождениях находить, наоборот, ресурсы для взаимообогащения отношений, а не для конфликтов. Дальше он начал работать не только с эмигрантами, но и с семьями одного и того же этнического происхождения. Он обнаружил в них то же самое: супруги одного этнического происхождения, но разного культурного, социального уровня, из разных профессиональных групп, из разных регионов сталкиваются с абсолютно аналогичными проблемами взаимопонимания. Таким образом, любая культура, большая и малая, задает смыслообразующие контексты.

М. М. Бахтин писал: «Индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс освоения — более или менее творческого — чужих слов (а не слов языка). Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [1. С. 193]. Разные люди часто не могут прийти к согласию по поводу смысла одних и тех же слов именно потому, что они усвоили их из разных контекстов, насыщенных разными смысловыми обертонами.

Смыслообразование, понимание и развитие личности

Ранее я описал три формы смысловой динамики [11; 12]). Первая — смыслообразование и изменение без изменений, простое расширение круга носителей смысла, включение в круг осмысленного новых носителей. Продолжая нашу аналогию, новые грибы вырастают на старой грибнице после дождя.

Второй процесс — смыслоосознание, или осмысление. Объект приобретает новый смысл, если через какой-то инсайт мы его включаем в новую смысловую систему. Здесь уже первична не «грибница»; скорее, это можно соотнести с опытами Мичурина, когда черенок прививается к стволу другого растения. В. А. Иванниковым [7] описаны механизмы волевой регуляции, которые позволяют подключать наши действия к новым, более мощным смысловым контекстам, если встает задача, скажем, повысить мотивацию. Клятва, обещания, посвящение — все это примеры таких смысловых прививок действия к другим смысловым системам. Как отмечал К. Левин, если мы хотим как-то замотивировать ребенка, единственный действительно хороший способ без негативных побочных последствий — это включение действий ребенка в значимый для него более широкий контекст (см.: [8. С. 204]).

Третий механизм — смыслостроительство (см.: [4]). Это разрыв непрерывности, тот случай, когда смысловое будущее не есть продолжение настоящего, оно враждебно настоящему и прошлому (см.: [3. С. 193]). Это лучше всего видно на ситуациях кризиса, катастрофы, трагедии, расколотого мира. Распалась связь времен.... Прошлого уже нет, будущее смутно, настоящее не связано ни с тем, ни с другим. Нет опыта, на который можно было бы опереться, все связи с прошлым утрачены, а что будет — вообще непонятно. При этом в некоторых случаях, как было выявлено в середине 1990-х гг., обнаруживаются парадоксальные явления посттравматического, или стресс-индуцированного, роста, вопреки травме и всем ее негативным последствиям. Попытка выяснить, от чего зависит, есть ли у человека в подобной ситуации шанс на позитивные изменения, или же он свалится в травму, привела к интересному результату: единственным предиктором посттравматического роста является нахождение смысла происходящего, причем то, каков этот смысл, роли не играет (см.: [28. С. 277—290]). Это может быть смысл-объяснение, например расплата за грехи или козни Госдепа, или смысл-ориентир, например стремление помочь близким. Главное — смысл всегда трансцендентен, всегда в мире, за пределами человеческого сознания. Замечательную фразу приводит писатель Курт Воннегут со ссылкой на своего сына Марка: «Мы здесь для того, чтобы помочь друг другу пройти через это, что бы это ни было» [6. С. 95]. В этой формуле видится большой конструктивный ресурс для практического психолога.

Но большой проблемой выступает не только разрушение смысловых ориентаций, но и их чрезмерное заострение. А. Лэнгле сформулировал различие живого, открытого и мертвого, закрытого, не поддающегося изменениям смысла в терминах различия смысла экзистенциального и смысла онтологического ([36]; см. также: [15]).

Наиболее осмыслена жизнь, по-видимому, у фундаменталистских религиозных фанатиков, что видно по тому, насколько легко им в любую секунду без сожалений отдать эту жизнь ради своего смысла. Но это очень жесткий, ригидный, запрограммированный смысл, онтологический смысл по Лэнгле. Такой смысл превращается в свою противоположность. В той мере, в какой он оказывается определен и одновременно определен, зафиксирован, он перестает быть живым и живительным процессом, превращается во что-то другое. Он не расширяет контексты, не повышает нашу управляемость собственной жизнью.

Коррекция неадекватных смысловых ориентаций является, возможно, труднейшим из вызовов для практикующего психолога. Люди не могут без объяснений, психологически им становится легче, когда они находят объяснение. Поэтому они держатся за них, особенно в смутные, неопределенные времена. В такие времена резко растут заработки индустрии гадалок, пророков, астрологов, которые торгуют определенностью. Любые, сколь угодно фантастические объяснения выполняют эту психологическую функцию. Труднее всего заставить людей скорректировать их фантастические объяснения, приблизить их к реальности. Л. Фестингер [26] опубликовал исследование одной секты, которая предсказывала дату конца света в течение ближайших лет. В назначенный день конец света не наступил. Сектанты не отказались от своей идеологии, они нашли рациональное объяснение.

Таким образом, главная проблема, пожалуй, не столько в том, чтобы искать новые смыслы, сколько в том, чтобы деконструировать злокачественные, явно неадекватные смыслы, в том, что в работе с жертвами деструктивных культов называется «депрограммацией». Проблема депрограммации — гораздо более общая и гораздо более серьезная и глобальная проблема, чем только работа с жертвами конкретных тоталитарных сект. По сути дела, по отношению ко всему нашему народу стоит задача депрограммации. Да и кто из нас без греха в этом отношении? Прекрасной литературной иллюстрацией того, насколько некорригируемы, неоперабельны жесткие мифологические онтологические смысловые конструкции с метастазами в сознание и бессознательное, служит повесть А. и Б. Стругацких «Парень из преисподней» [23].

В последнее десятилетие я развиваю новую форму практики, так называемое жизнетворчество [13; 18], обозначая ее как «ноотехнику», в отличие от психотехники. Речь идет о психологическом воздействии, которое не подразумевает формирование чего-то по заданному образцу с известным результатом и гарантией. Напротив, это фасилитирующее воздействие с непонятным исходом, которое уповает, выражаясь термином Ф. Е. Василюка [5], на процессы самоорганизации, происходящие в человеке. Это не работа с психологической реальностью в строгом смысле слова; не говорится ни слова о собственно психологической реальности, об индивидуальных особенностях, о психодинамике. Это работа с тем, как устроен мир. В жизнетворческих мастерских люди формулируют проблемы, и мы начинаем в групповом формате обсуждать эти личностные проблемы в терминах того, какие закономерности действуют в мире и нарушением каких закономерностей становится возникшая проблема. Участники выходят на собственное внутреннее противоречие в формулировании самой проблемы. Налицо две плоскости: первая — реальная практика жизни, а вторая — некоторое конструирование этой жиз-

ни в сознании. Связь между ними часто нарушена. Суть жизнетворческой работы по переработке личного опыта, точнее, переработке впечатлений в опыт заключается как раз в том, чтобы, раскручивая то, что и как сам человек говорит о своей проблеме, восстановить связь этих двух плоскостей между собой. И когда человек сам обнаруживает их несовместимость, часто в итоге проблема рассасывается сама собой, поскольку восстанавливается нарушенный контакт слов и категорий «упаковки» опыта с реальной жизнью. Как заметил писатель Р. П. Уоррен, «человек никогда не знает, какой он есть, пока не споткнется о самого себя» [25. С. 182]. Жизнетворчество — это работа по организации такого столкновения с самим собой.

В результате этой работы происходит понимание. Когда возникает это «столкновение с самим собой», обнаруживается противоречие. Как учит Гегель, противоречие тезиса и антитезиса может быть разрешено через скачок на более высокий уровень понимания, к более общей схеме, которая вбирает в себя тезис и антитезис в новом синтезе, где они перестают противоречить друг другу. Другими словами, чтобы преодолеть противоречие, требуется усложнение структуры понимания. И то, что противоречило друг другу на более примитивном уровне, перестает противоречить на более сложном уровне.

Когда мы переходим к какому-то пониманию и разрешению противоречий нашей жизни, мы испытываем переживание катарсиса, которое и есть переживание внутреннего диалектического скачка понимания на более высокую ступеньку в осмыслении реальности.

Некоторое время тому назад я задался вопросом: когда мы говорим о развитии личности, проводим с человеком тесты или экспертную оценку и констатируем, что он личностно развился, как это изменение дано субъекту? Как для него открывается то, что с точки зрения внешнего наблюдателя выступает объективно зафиксированным личностным развитием?

Я понял, что есть только один способ это объяснить: то, что для внешнего наблюдателя описывается в терминах личностного развития, для самого субъекта есть рост понимания. То, что для субъекта является продвижением к более общим схемам понимания, более свободным от противоречий (там, конечно, возникнут новые противоречия, это процесс бесконечный), для внешнего наблюдателя будет выступать как изменение его личности. Оказывается, что развитие личности и поступательное развитие понимания через диалектические скачки, устраняющие противоречивость, — это две стороны одной медали. Через это можно объяснить механизм работы жизнетворческих мастерских. Е. Яцута (Баронская) [29], опирающаяся на ту же модель в своих очень интересных исследованиях назвала этот подход «контент-центрированный», в противовес «клиент-центрированному». Она разработала прямые методы фасилитации личностного развития через групповую работу с пониманием текстов — художественных, философских, психологических. Сначала для людей эти тексты представляют собой что-то бессмысленное, непонятное, доминируют отрицательные эмоции. Потом они продираются через них, начинается бурная личностная динамика.

Диалектическое снятие противоречий через нахождение более широкой схемы, в которой противоречия исчезают, — это модель смысловых перестроек, ранее теоретически описанных как смыслостроительство [4; 12]. Это позволяет практически работать с перестройкой неадекватных смысловых схем через выведение на поверхность сознания противоречий между картиной мира человека и его собственными жизненными ориентациями, потребностями, интересами. Только когда человек приходит к осознанию несовместимости разных составляющих его личного опыта и мировоззрения, возможны позитивные сдвиги на уровне вершинных личностных структур.

The paper presents a detailed theoretical analysis of the problem of meaning and meaning-making, based on recent research in the field. Special attention is paid to the issues of relationships between the semantic and existential aspects of meaning-making, structural definition of meaning in terms of coherence and connectedness, the role of cultural contexts in meaning-making, the dynamics of meaning and transformation of life experience and the facilitation of meaning-making and the correction of rigid meaning orientations.

Keywords: meaning, meaning-making, text, context, consciousness, semiotics, life, experience, culture, consumer culture, emotions.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. — М., 1996. — Т. 5. — С. 159—206.
- Bahtin, M. M. Problema rechevyh zhanrov / M. M. Bahtin // Sobr. soch. : v 7 t. — M., 1996. — T. 5. — S. 159—206.*
2. Бахтин, М. М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. — М., 2002. — Т. 6. — С. 371—439.
- Bahtin, M. M. Rabochie zapisi 60-h — nachala 70-h godov / M. M. Bahtin // Sobr. soch. : v 7 t. — M., 2002. — T. 6. — S. 371—439.*
3. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. — М., 2003. — Т. 1. — С. 69—263.
- Bahtin, M. M. Avtor i geroy v jesteticheskoy dejatel'nosti / M. M. Bahtin // Sobr. soch. : v 7 t. — M., 2003. — T. 1. — S. 69—263.*
4. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Vasiljuk, F. E. Psihologija perezhivanija / F. E. Vasiljuk. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1984.*
5. Василюк, Ф. Е. Методологический анализ в психологии / Ф. Е. Василюк. — М. : Смысл, 2003.
- Vasiljuk, F. E. Metodologicheskij analiz v psihologii / F. E. Vasiljuk. — M. : Smysl, 2003.*
6. Воннегут, К. Времятрясение / К. Воннегут. — М. : АСТ, 2000.
- Vonnegut, K. Vremjatrasenie / K. Vonnegut. — M. : AST, 2000.*
7. Иванников, В. А. Психологические механизмы волевой регуляции / В. А. Иванников. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Ivannikov, V. A. Psihologicheskie mehanizmy volevoj reguljacji / V. A. Ivannikov. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1991.*
8. Левин, К. Динамическая психология: избр. тр. / К. Левин ; под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. — М. : Смысл, 2001.
- Levin, K. Dinamicheskaja psihologija: izbr. tr. / K. Levin ; pod red. D. A. Leont'eva, E. Ju. Patjaevoj. — M. : Smysl, 2001.*
9. Леонтьев, А. Н. Философия психологии : из научного наследия / А. Н. Леонтьев ; под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Leont'ev, A. N. Filosofija psihologii : iz nauchnogo nasledija / A. N. Leont'ev ; pod red. A. A. Leont'eva, D. A. Leont'eva. — M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1994.*
10. Леонтьев, А. Н. Эволюция, движение, деятельность / А. Н. Леонтьев ; под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. — М. : Смысл, 2012.
- Leont'ev, A. N. Jevoljucija, dvizhenie, dejatel'nost' / A. N. Leont'ev ; pod red. D. A. Leont'eva, E. E. Sokolovoj. — M. : Smysl, 2012.*
11. Леонтьев, Д. А. Динамика смысловых процессов / Д. А. Леонтьев // Психол. журн. — 1997. — Т. 18, № 6. — С. 13—27.
- Leont'ev, D. A. Dinamika smyslovyh processov / D. A. Leont'ev // Psihol. zhurn. — 1997. — T. 18, № 6. — S. 13—27.*
12. Леонтьев, Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 1999.
- Leont'ev, D. A. Psihologija smysla / D. A. Leont'ev. — M. : Smysl, 1999.*
13. Леонтьев, Д. А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира / Д. А. Леонтьев // 1-я всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии / под ред. Д. А. Леонтьева [и др.]. — М., 2001. — С. 100—109.
- Leont'ev, D. A. Zhiznetvorchestvo kak praktika rasshirenija zhiznennogo mira / D. A. Leont'ev // 1-ja vseros. nauch.-prakt. konf. po jekzistencial'noj psihologii / pod red. D. A. Leont'eva [i dr.]. — M., 2001. — S. 100—109.*
14. Леонтьев, Д. А. Эмпирическая типология смыслов жизни в США и России / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин // Смысл жизни и акме : 10 лет поиска : матер. 8—10-го симп. / под ред. А. А. Бодалева [и др.]. — М., 2004. — Ч. 1. — С. 72—81.
- Leont'ev, D. A. Jempiricheskaja tipologija smyslov zhizni v SShA i Rossii / D. A. Leont'ev, E. N. Osin // Smysl zhizni i akme : 10 let poiska : mater. 8—10-go simp. / pod red. A. A. Bodaleva [i dr.]. — M., 2004. — Ch. 1. — S. 72—81.*

15. Леонтьев, Д. А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии / Д. А. Леонтьев // Проблема смысла в науках о человеке : (к 100-летию Виктора Франкла) : матер. междунар. конф. / под ред. Д. А. Леонтьева. — М., 2005. — С. 36—49.
- Leont'ev, D. A. Novye gorizonty problemy smysla v psihologii / D. A. Leont'ev // Problema smysla v naukah o cheloveke : (k 100-letiju Viktora Frankla) : mater. mezhdunar. konf. / pod red. D. A. Leont'eva. — M., 2005. — S. 36—49.
16. Леонтьев, Д. А. Стереометрия жизни / Д. А. Леонтьев // Человек — наука — гуманизм : К 80-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / отв. ред. А. А. Гусейнов. — М., 2009. — С. 668—676.
- Leont'ev, D. A. Stereometrija zhizni / D. A. Leont'ev // Chelovek — nauka — gumanizm : K 80-letiju so dnja rozhdenija akademika I. T. Frolova / otv. red. A. A. Gusejnov. — M., 2009. — S. 668—676.
17. Леонтьев, Д. А. Культурное потребление в антропологическом и психологическом контексте / Д. А. Леонтьев // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / под ред. И. М. Быховской. — М., 2010. — С. 217—241.
- Leont'ev, D. A. Kul'turnoe potreblenie v antropologicheskom i psihologicheskom kontekste / D. A. Leont'ev // Kul'turologija: fundamental'nye osnovanija prikladnyh issledovanij / pod red. I. M. Byhovskoj. — M., 2010. — S. 217—241.
18. Леонтьев, Д. А. Опыт методологического осмысления практик работы с личностью: фасилитация, ноотехника, жизнотворчество / Д. А. Леонтьев // Консультативная психология и психотерапия. — 2012. — № 4. — С. 164—185.
- Leont'ev, D. A. Opyt metodologicheskogo osmyslenija praktik raboty s lichnost'ju: fasilitacija, nootehnika, zhiznetvorchestvo / D. A. Leont'ev // Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. — 2012. — № 4. — S. 164—185.
19. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Прогресс, 1990.
- Mamardashvili, M. K. Kak ja ponimaju filosofiju / M. K. Mamardashvili. — 2-e izd., izm. i dop. — M.: Progress, 1990.
20. Пезешкиан, Н. Позитивная семейная психотерапия / Н. Пезешкиан. — М.: Смысл, 1992.
- Pezeskian, N. Pozitivnaja semejnaja psihoterapija / N. Pezeskian. — M.: Smysl, 1992.
21. Сент-Экзюпери, А. де. Цитадель / А. де Сент-Экзюпери // Соч. : в 2 т. — М., 1994. — Т. 2.
- Sent-Jekzjuperi, A. de. Citadel' / A. de Sent-Jekzjuperi // Soch. : v 2 t. — M., 1994. — T. 2.
22. Смирнов, А. В. Логика смысла / А. В. Смирнов. — М.: Яз. слав. культуры, 2001.
- Smirnov, A. V. Logika smysla / A. V. Smirnov. — M.: Jaz. slav. kul'tury, 2001.
23. Стругацкий, А. Парень из преисподней / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — М.: АСТ, 1996.
- Strugackij, A. Paren' iz preispodnej / A. Strugackij, B. Strugackij. — M.: AST, 1996.
24. Толстой, Л. Н. Исповедь / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. — М., 1983. — Т. 16. — С. 106—165.
- Tolstoj, L. N. Ispoved' / L. N. Tolstoj // Sobr. soch. : v 22 t. — M., 1983. — T. 16. — S. 106—165.
25. Уоррен, Р. П. Место, куда я вернусь / Р. П. Уоррен. — М.: Текст, 2004.
- Uorren, R. P. Mesto, kuda ja vernus' / R. P. Uorren. — M.: Tekst, 2004.
26. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. — СПб.: Ювента, 1999.
- Festinger, L. Teorija kognitivnogo dissonansa / L. Festinger. — SPb.: Juventa, 1999.
27. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М.: Прогресс, 1990.
- Frankl, V. Chelovek v poiskah smysla / V. Frankl. — M.: Progress, 1990.
28. Эммонс, Р. Психология высших устремлений / Р. Эммонс. — М.: Смысл, 2004.
- Jemmons, R. Psihologija vysshih ustremlenij / R. Jemmons. — M.: Smysl, 2004.
29. Яцута, Е. И. От клиент-центрированного подхода в психотерапии к контент-центрированному взаимодействию в образовательном процессе / Е. И. Яцута // 2-я всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии : матер. сообщ. / под ред. Д. А. Леонтьева. — М., 2004. — С. 180—189.
- Jacuta, E. I. Ot klient-centrirovannogo podhoda v psihoterapii k kontent-centrirovannomu vzaimodejstviju v obrazovatel'nom processe / E. I. Jacuta // 2-ja vseros. nauch.-prakt. konf. po jekzistencial'noj psihologii : mater. soobshh. / pod red. D. A. Leont'eva. — M., 2004. — S. 180—189.
30. Adler, A. What Life Should Mean to You / A. Adler. — London: George Allen & Unwin, 1980.
31. Anderson, R. The Martin Buber-Carl Rogers Dialogue: A New Transcript With Commentary / R. Anderson, K. N. Cissna. — Albany: State University of New York Press, 1997.
32. Baumeister, R. F. The meanings of life / R. F. Baumeister. — N. Y.: Guilford, 1991.
33. Crumbaugh, J. S. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis / J. S. Crumbaugh, L. T. Maholick // J. of Clinical Psychology. — 1964. — Vol. 20, № 2. — P. 200—207.
34. Ebersole, P. Meaning in life: category self-ratings / P. Ebersole, K. L. De Vogler // J. of Psychology. — 1981. — Vol. 107. — P. 283—293.

35. King, L. A. Death, life, scarcity, and value : An alternative perspective on the meaning of death / L. A. King, J. A. Hicks, J. Abdelkhalik // Psychological Science. — 2009. — Vol. 20, № 12. — P. 1459—1462.
36. Längle A. Sinn-Glaube oder Sinn-Gespur? Zur Differenzierung von ontologischem und existentielltem Sinn in der Logotherapie / A. Längle // Bulletin der Gesellschaft für Logotherapie und Existenzanalyse. — 1994. — Jg 11, № 2. — S. 15—20.
37. Leontiev, D. Personal meaning: a challenge for psychology / D. Leontiev // The Journal of Positive Psychology. — 2013. — Vol. 8, № 6. — P. 459—470.
38. Reker, G. T. Aging as an individual process: toward a theory of personal meaning / G. T. Reker, P. T. P. Wong // Emergent theories of aging / ed. by J. E. Birren, V. L. Bengtson. — N. Y., 1988. — P. 214—246.
39. Schnell, T. The Sources of Meaning and Meaning in Life Questionnaire (SoMe) : Relations to demographics and well-being / T. Schnell // J. of Positive Psychology. — 2009. — Vol. 4, № 6. — P. 483—499.
40. The Meaning in Life Questionnaire : Assessing the presence of and search for meaning in life / M. F. Steger [et al.] // J. of Counseling Psychology. — 2006. — Vol. 53. — P. 80—93.
41. Vohs, K. D. The psychological consequences of money / K. D. Vohs, N. L. Mead, M. R. Goode // Science. — 2006. — Vol. 314. — P. 1154—1156.

А. А. Пелипенко

Психическое преддверие смысла

Статья посвящена проблеме генезиса смысла как психофизиологического и культурогенетического феномена. В русле теоретико-культурного дискурса рассматриваются когнитивные режимы начальных стадий смыслообразования, связанных с психическими последствиями родовой травмы, разрывами универсальной эмпатической связи и образованием сбоев и задержек в потоке психической активности. Под этим углом зрения анализируется феномен эйдетики и режимы межполушарной функциональной асимметрии мозга. Главная проблема — смысл как форма перехода между нейрофизиологическим, психическим и культурным уровнями реальности.

Ключевые слова: дискретность, континуальность, смысл, сознание, интенциональность, когеренция, каузальность, психика, эволюция.

Концепт смысла является центральным в смыслогенетической теории, и изложить его в объеме небольшой статьи невозможно. Нижеследующие соображения не более чем предварительные заметки к построению теоретико-культурной модели смысла.

Исходный постулат смыслогенетической теории таков: **коренное отличие человека от животного составляет способность к порождению и продуцированию смыслов.** Но что же в таком случае есть смысл? Общее определение таково: **смысл есть дискретное психическое состояние, выраженное в кодах и транслируемое в сферу социальной коммуникации.** В контексте представлений об интенциональности **смысл — дискретный импульс особого рода интенциональности, испускаемый (продуцируемый) человеческим сознанием.**

Именно *смысловой природой интенциональность человеческого сознания отличается от всех прочих видов интенциональности как в живой, так и в неживой природе.* Психически феномен смысла задается особым режимом право- и левополушарного взаимодействия, что и является генерализующей причиной возможности для мозга воздействовать на квантовые процессы: осуществлять декогеренцию и рекогеренцию квантовых суперпозиций и участвовать в формировании «объективной реальности» на уровне макропроцессов.

Прежде всего, поясню, что имеется в виду под *дискретностью*. Поток психической активности животного *непрерывен*, и поэтому он не только параллелен нераздельно-текущему континууму реальности, а просто неотделим от него, чем и обуславливается не-выделение животным себя из окружающего мира. Как бы ни усложнялись сами по себе поведенческие программы, какие бы конфликты ни возникали между приобретенными в онтогенезе формами поведения и их инстинктивным базисом, определенный природой